

Чем сильнее она ругалась, тем обильнее лились слёзы. Цинь Чаншэн рыдала, словно в отчаянии, швырнула одежду, которую безуспешно пыталась разорвать, и, вытирая лицо, тихо проговорила:

— Хотя бы один шаг назад... Хотя бы один! Как же я хочу быть обычным, ничем не примечательным человеком. Просто обычным. Проклятый клан Цинь Призрачного Ока, древняя судьба Шу — мне всё это ненавистно! Я просто хочу жить обычной жизнью!

Соскользнув с дерева, она опустилась на землю, уткнулась лицом в ладони, и её плечи задергались в беззвучных рыданиях. Ночной ветер пронёсся сквозь лес, словно тихий вздох тьмы.

Немного отдышавшись, Цинь Чаншэн стёрла с лица липкую смесь крови и слёз и, хромя, поднялась. Здесь нельзя было оставаться. Те люди обязательно найдут её, и если её поймают, царапины от веток покажутся сущей безделицей.

Люди с оружием явно шли за её жизнью.

Лес поглотила крошечная тьма. Бледный лунный свет ложился на лицо Цинь Чаншэн, делая его восковым. Каждый шаг отдавался острой болью в ногу, но она, опираясь на ветку, всё же поднялась. На древнем дереве рядом влажно блестел мох. Она вытерла окровавленные руки о ствол, прислонилась к нему и, закусив губу, тихо втянула воздух.

Переведя дух, она с трудом выпрямилась и, шатаясь, побрела вглубь леса.

Позади, совсем недалеко, грянул выстрел. Цинь Чаншэн обернулась и увидела вдали вспышки света, перемежающиеся с яростным лаем. Сердце её упало — они уже здесь!

Опираясь на дерево, она, стиснув зубы, заковыляла вперёд. Сзади то и дело слышались лай и крики. Псы лаяли в её сторону, и чей-то голос прокричал:

— Кровь! Идите по следу!

Цинь Чаншэн, едва держась на ногах, бросилась вперёд. Наткнувшись на склон, она поскользнулась и полетела вниз. Ветки иссекли её лицо, и она, глухо вскрикнув, прикрыла голову. В вихре головокружения она скатилась вниз и с плеском рухнула в ручей.

Лес погрузился в гробовую тишину.

Спустя мгновение лай возобновился, но так же резко и оборвался, сменившись испуганным скулёжем, а затем — треском ломающихся костей. Мужской вопль, полный ужаса, прорезал почти зловещую тишину леса, спугнув сонмище птиц. Воронье взметнулось в небо, и крик оборвался на полуслове, словно его перехватили в уже раздробленном горле, издав глухой, противоестественный звук.

Цинь Чаншэн лежала в луже крови, её тело постепенно холодело. Кровь стекала со лба, склеивая ресницы.

На пороге смерти её вдруг охватило небывалое спокойствие.

Словно она вернулась к той, давней обычной жизни.

Каждый день — ранец за спиной, школа, дом. Походы с университетскими подругами по

магазинчикам в поисках красивых безделушек, аханье перед ценами в бутиках, разговоры за семейным ужином о планах на будущее: купить большой-пребольшой дом, никогда не расставаться с семьёй, не думать о замужестве до двадцати пяти, стать счастливой домохозяйкой.

Вспомнился и тот румянец, тот юноша с гитарой под её окном. Цинь Чаншэн вежливо ему отказала. Мать смотрела на неё из окна с грустью в глазах, а потом сказала: «Чаншэн, тебе стоит пораньше начать встречаться. Всё нужно пробовать вовремя».

Тогда она не понимала.

Странно, почему всплывают в памяти такие странные, бессмысленные вещи?

Телу было холодно.

Она ничего не чувствовала, ничего не могла удержать. Цинь Чаншэн изо всех сил пыталась открыть глаза, но не могла.

Зато она слышала шаги.

Не открывая глаз, она увидела, как перед ней возникла Цзян Чжунсюэ.

Кругом стояла тишина. Цзян Чжунсюэ спустилась по склону и шаг за шагом приблизилась. Она застыла в тени деревьев, и бледный лунный свет делал её лицо белым, как бумага.

Но на её лице не было ни тени эмоций, только привычное, обречённое спокойствие.

Кровь унесла с собой и тепло, и чувства. Лишённая зрения, Цинь Чаншэн в полубреду смотрела на неё, чувствуя облегчение и освобождение. Странно, но страх смерти вдруг отступил. Она даже ощутила странную радость от этого.

Глядя на эту сцену, Цинь Чаншэн вдруг захотелось смеяться, а потом стало грустно. Цзян Чжунсюэ не ушла. Но разве она пришла сюда только для того, чтобы увидеть, как та глупо гибнет, и посмеяться над ней в душе?

Неужели последним, кого она увидит перед смертью, окажется чужая, ничем не связанная с ней Цзян Чжунсюэ?

Ненавистная Цзян Чжунсюэ.

Насмотревшись вдоволь, она, наверное, уйдёт?

Цинь Чаншэн знала, что выглядит ужасно — сломанная шея, перебитые руки, всё тело в крови. Зрелище, должно быть, отвратительное.

Рядом поднялся леденящий ветер, и призрак Юй Инь закружился у тела Цинь Чаншэн, жадно взирая на ещё не остывшую плоть. Цзян Чжунсюэ смотрела на неё с нечитаемым выражением лица.

Цинь Чаншэн, в ком смешались грусть и желание рассмеяться, хотела спросить: «Долго ещё собираешься смотреть? Красиво?»

Но произнести эти слова она уже не могла.

Цзян Чжунсюэ опустилась на колени.

Цинь Чаншэн в полузабытьи смотрела на неё. Лунный свет был бледным, и весь мир словно затянуло тонкой белой пеленой. Глаза Цзян Чжунсюэ налились кровью, словно в ней что-то окончательно рухнуло, и слёзы покатались по щекам.

Она опустилась рядом, не глядя на лужу крови, осторожно подняла Цинь Чаншэн, уложила себе на колени и прикоснулась лбом к её лбу. Голос её был хриплым, будто горло налилось кровью:

— Чаншэн.

Цинь Чаншэн остолбенела.

Хотя тело и душа уже почти разъединились, её остывающая плоть почувствовала тепло. Цзян Чжунсюэ обняла её, и голос её прозвучал низко и глухо, будто от предельной усталости:

— Чаншэн, как я хотела бы умереть вместе с тобой.

— Даже если путь лежит в жёлтые источники преисподней, это стало бы желанным для меня спасением.

— Но я не могу.

Цзян Чжунсюэ прижалась лбом к её лбу, нежно касаясь окровавленного лица. Она опустила длинные ресницы, словно собираясь погрузиться в вечный сон, и прошептала так тихо, что слова едва долетели:

— Чаншэн, я так устала. Каждый раз, каждый раз я вижу, как ты плачешь передо мной. И каждый раз, каждый раз я бессильна тебя спасти. Чаншэн, возненавидь меня.

Цинь Чаншэн замерла.

Разве между ней и Цзян Чжунсюэ были такие близкие отношения? Разве не она сегодня извительно издевалась над ней, а потом сбежала?

Внезапно по её жилам хлынула сила, заставив сердце снова биться. Цинь Чаншэн готова была расплакаться от ярости. Как она могла просто так, непонятно за что умереть? Она потребует ответов! Во всём виновата Цзян Чжунсюэ, а теперь она ещё и разыгрывает здесь скорбь!

Низкий смех Юй Инь зазвучал в ушах, не желая стихать. Она, нет, оно, жаждало этой почти безжизненной плоти, мечтая о новой оболочке.

Оно шептало, словно демон из преисподней:

— Сдайся, сдайся. Ты больше не можешь жить. Взгляни на это тело, взгляни на своё положение. Жизнь — это страдание. Как хорошо быть мёртвой.

Его голос обладал колдовской силой, и веки Цинь Чаншэн налились свинцом.

Цзян Чжунсюэ обнимала её, словно собираясь уснуть навеки. Цинь Чаншэн попыталась пошевелиться, но не смогла поднять веки. Она изо всех сил старалась вернуть контроль над телом, но увидела, как руки Юй Инь обвили её, сковывая душу.

Цинь Чаншэн собрала все силы. Возможно, отделившись от тела, она не чувствовала боли, но и не могла найти способ вернуться обратно. Она в отчаянии ухватилась за свою одежду, но тщетно — воссоединиться с плотью не получалось.

<http://bllate.org/book/16269/1464192>